

Поместье Чанъян-хоу.

Обеденный стол ломился от изысканных яств: каждое блюдо сияло столь аппетитно, что одно лишь созерцание заставляло облизываться. Но больше всего внимания привлекала огромная чаша прямо по центру. И не из-за какого-то особого секрета, а просто потому, что она была... ну очень большой. В ней горой возвышались свиные ребрышки в кисло-сладком соусе.

За столом сидели пятеро:

Старый хоу Хэ, который по непонятной причине пребывал в дурном расположении духа и метал громы и молнии в сторону сына.

Его супруга, госпожа Вань, взиравшая на мужа с кроткой и нежной улыбкой.

Молодой хоу Хэ, который в упор не замечал отцовского гнева, а лишь плотоядно потирал руки, прицеливаясь к злополучным ребрышкам.

Второй молодой господин Хэ Чэн, все еще пребывавший в блаженном восторге от того, что старший брат удостоил его добрым словом.

И, наконец, третья молодая госпожа Хэ Жун, которая, стиснув свои маленькие зубки, вовсю буравила мачеху широко распахнутыми глазами.

— Ешьте же! — Хэ Гу подождал немного, и, видя, что никто не двигается, первым схватил палочки, широко улыбнувшись. — Еще немного, и всё остынет.

Старый хоу Хэ:

— ...

Стоило Хэ Гу раскрыть рот, как он заметил, что лицо его родителя почернело, словно дно котла. Юноша только сейчас спохватился: старик-то еще жив, и сам Хэ Гу еще не унаследовал титул и не стал главой дома.

Его сложно было винить. В прошлой жизни к моменту смерти ему было тридцать. Старый хоу «отдал концы», когда сыну едва исполнилось восемнадцать, так что Хэ Гу двенадцать лет распоряжался всем сам и напрочь забыл, каково это — ходить по струнке в родном доме. Но сейчас старый хоу сидел во главе стола, и когда сын заголосил о начале трапезы раньше отца, было бы странно, если бы старик не разозлился.

— Все твои манеры псу под хвост пошли! — хоу с грохотом бросил палочки на стол. — Твой отец еще сидит здесь, а ты уже раскомандовался?!

Хэ Гу потер нос:

— Вы так долго молчали, разве я виноват? Я с самой дороги голодный как волк.

— Только ты голодный?! А второй брат твой? А сестренка? С чего это ты вдруг стал таким неженкой — лишние четверть часа поголодать не можешь, помрешь, что ли? — старый хоу так кипятился, что у него борода заходила ходуном.

— Да чего вы орете? В вашем возрасте вредно так нервничать, — лениво отозвался Хэ Гу. — Ну, командуйте вы, командуйте, я не против. Честное слово, если я еще раз попытаюсь вас опередить — буду щенком, обещаю.

Он произнес это таким тоном, будто успокаивал трехлетнего ребенка. Старый хоу выпучил глаза:

— Ты!..

Госпожа Вань испуганно схватила мужа за руку:

— Хоу-е, Гу-эр просто молодой и горячий, зачем вам ссориться с родным сыном? Он прав, гнев вредит здоровью, а еда и впрямь остынет. Давайте же кушать.

Умиротворенный ласковыми словами любимой жены, старый хоу немного поостыл. Однако он все равно в последний раз наградил сына колючим взглядом и, тряхнув бородой, провозгласил:

— Что ж, приступим...

Не успело слово «приступим» сорваться с его губ, как Хэ Гу молниеносно вытянул палочки к чаше в центре стола и выхватил самое сочное ребрышко. У старика в груди всё так и сперло от такой наглости.

Прежде сын тоже бывал колючим, но хотя бы соблюдал видимость приличий и не выставлял отца на посмешище. Всё изменилось в тот день, когда посыльный доставил им письмо по пути в столицу. Что же произошло?

Старый хоу внезапно вспомнил содержание того донесения. Помедлив, он тяжело произнес:

— Шу-эр, по пути в город я получил известие, что Старшая принцесса выбирает фума, и ты подала во дворец данные о рождении Гу-эра. Как это понимать?

Веко госпожи Вань дрогнуло. Под столом ее пальцы судорожно сжали шелковый платок, но лицо осталось бесстрастным. Она лишь мягко улыбнулась:

— И впрямь, было такое. В тот день я зашла во дворец вместе с супругой Бо* Вэньчана навестить императрицу. Ее Величество обмолвилась... что Старшей принцессе уже восемнадцать, пора бы и о замужестве подумать. Намерение императрицы состояло в том, чтобы выбрать среди знатных юношей кого-то подходящего по возрасту и достоинству.

— И что дальше? — бесстрастно спросил хоу.

Хэ Гу с насмешкой взглянул на мачеху и тут же отвел глаза. Он подцепил еще одно ребрышко, с которого стекал густой соус, и положил его в тарелку третьей госпоже Хэ Жун.

— Жун-мэй, ешь побольше, а то не вырастешь, — прошептал он ей, весело щурясь.

Тем временем госпожа Вань продолжала объясняться:

— Позже... позже Ее Величество сама спросила, не тот ли это первый молодой господин из поместья Чанъян-хоу, что славится своей выдающейся внешностью? Она велела принести портрет Гу-эра во дворец, и, увидев его, долго хвалила, какой он красавец. Только после этого она попросила меня прислать данные о его рождении.

— Вот как? — лицо хоу смягчилось. — Значит, ты не сама навязывалась императрице с этим делом?

— Конечно нет! — госпожа Вань внезапно вскинула голову, и в ее глазах блеснули слезы. —

Разве вы можете подозревать меня в таком? Став фума, человек навсегда прощается с карьерой. Я мать Гу-эра, разве могла бы я желать ему такой участи? За все эти годы, как я относилась к Гу-эру и Жун-эр, видели все в этом доме, у кого глаза есть. Ваши подозрения ранят меня в самое сердце.

Она смотрела на мужа сквозь пелену слез — эта застывшая в уголках глаз влага, подобно утренней росе на весеннем листе, выглядела бесконечно трогательно и нежно.

Сердце старого хоу тут же сжалось от жалости к супруге.

— Я лишь спросил, стоит ли из-за этого лить слезы? Ну же, вытри их скорее.

Хэ Гу внезапно холодно хмыкнул:

— «Из-за этого»? Значит, дело всей моей жизни в глазах отца — всего лишь «это»?

Хэ Гу решил не менять ход событий и всё же жениться на принцессе, но терпеть коварство госпожа Вань он не собирался.

— Вы говорите, что потеряли аппетит и покой? Но при этом у вас нашлись силы бегать во дворец с подружками и из кожи вон лезть перед императрицей. Мои данные о рождении всегда хранились только у нескольких незамужних женщин из семьи Янь, что пришли сюда с моей матерью. Они бы вам ничего не сказали. Остается только родовая книга, что заперта в храме предков под замком. Позвольте спросить, госпожа, как же вы их узнали?

— Ну и таланты у вас! — ядовито добавил он. — Замки размером с кулак сами собой открываются, ну и мастерица!

Лицо госпожи Вань мгновенно побелело. Старый хоу тоже опешил и обернулся к ней:

— Шу-эр... ты...

— Хоу-е, выслушайте, я не...

— Объяснитесь у себя в комнате, а нам с братом и сестрой еще пообедать надо. Не портите нам аппетит, — ледяным тоном оборвал её Хэ Гу.

Но такая дерзость окончательно вывела отца из себя.

— Ах ты, негодник! — старый хоу вскочил, тыча в сына пальцем. — Даже если твоя мать и взяла твои данные для дворца, что с того?! Она имеет право распоряжаться твоим браком по праву старшинства! Ты что, забыл о сыновнем долге? Как ты смеешь так разговаривать с матерью?!

Лицо Хэ Гу тоже мгновенно похолодело.

— Как она относится ко мне, так и я к ней. Просто я не умею носить маску добродетели, когда в рукаве спрятан нож. И запомните раз и навсегда: она — не моя мать. Моя мама давно умерла и наконец обрела покой в ином мире. Не смейте упоминать её рядом с этой женщиной. Мало того, что мне тошно это слушать, так вы еще и тревожите дух моей матери.

— Ты... ты-ты-ты... — глаза старика едва не вылезли из орбит.

Хэ Гу, не обращая внимания на его гнев, бросил палочки на стол.

— Я закончил. Меня тошнит, пойду отдохну.

Он развернулся и вышел. Чжэнъе, ждавший у дверей, тут же бросился следом. Хэ Гу шагал так быстро, что слуге пришлось бежать трусцой.

— Ну зачем же вы так... Теперь слава о вашей непочтительности разлетится по всему Бяньцзину...

— Пусть разлетается! Думаешь, я её боюсь? Если все узнают, что у её драгоценного сына такой непутевый старший брат, то эти старые книжники припомнят им чистоту семейного имени. Посмотрим, как её сынок тогда пойдет на государственную службу. Хватит ли у неё смелости продолжать?

— Ой! Господин, вы же сказали, что пойдете отдыхать, а мы идем к выходу из поместья?

Хэ Гу замер и обернулся:

— Именно. Выйду прогуляюсь, а то здесь мне дышать нечем. Веди коня!

— А? — Чжэнъе замер в полнейшем замешательстве.

— Что «а»? Поторапливайся!

Чжэнъе почесал в затылке, но спорить не решился — куда собрался господин, его не касалось. Он развернулся и побежал в конюшню, чтобы велеть конюхам седлать лошадь.

Хэ Гу еще не успел перевести дух после ссоры, как вдруг услышал за спиной звонкий детский голосок:

— Старший брат!

Он обернулся и увидел третью сестру, Хэ Жун. Малышка стояла в ярко-желтой кофте и юбке, а её круглые белые щечки и миндалевидные глаза заметно покраснели от слез.

— Жун-эр? — Хэ Гу оторопел и тут же подошел к ней, присаживаясь на корточки. — Почему ты выбежала вслед за мной?

— Брат, у-у-у... — Жун-эр размазывала слезы по лицу и всхлипывала. — Ты только вернулся и сразу натерпелся таких обид, как же я могла сидеть и есть после этого!

Сердце Хэ Гу мгновенно сжалось от нежности. Он потянулся было вытереть её слезки, но побоялся, что огрубевшие руки причинят сестренке боль. Его ладонь так и замерла в воздухе, пока он, наконец, просто не прижал малышку к себе, легонько поглаживая по спине.

— Ну-ну, не плачь. Это всё вина брата. Я сцепился с ними и совсем забыл, что ты сидишь рядом. Напугал тебя? Простишь своего брата?

Хэ Жун шмыгнула носом и обиженно пролепетала:

— Брат ни в чем не виноват! Это папа плохой, и госпожа плохая! Они все злые, обижают брата! Злодеям не видать удачи, завтра же у них животики разболятся!

Хэ Гу едва не прыснул со смеху:

— Вот как? Значит, завтра разболятся? Так быстро?

— Совсем не быстро, долго слишком! Пусть сегодня заболят! — восьмилетняя девочка с пухлым личиком была настроена крайне решительно.

Хэ Гу всё же не выдержал и расхохотался, потрепав её по мягким волосам.

— Не беспокойся, Жун-эр. Твой брат очень сильный, никто не сможет его обидеть. И тебя в обиду не дам. Кстати, пока меня не было, тебя здесь никто не задирает?

— Нет, бабушка Цюй и остальные — они очень строгие, никто не смеет меня трогать. Каждый раз, когда те хотят сделать гадость, няни их сразу разоблачают!

Лицо Хэ Гу помрачнело:

— Значит, они часто пытаются пакостить?

Хэ Жун на миг растерялась:

— Ну, вроде бы и нет...

Хэ Гу на мгновение замолчал, но тут Жун-эр вдруг спросила:

— Брат... ты правда женишься на той Старшей принцессе? Няни говорят, что госпожа злая, и если ты женишься на принцессе, то тебе конец.

— Брат, давай пойдём к бабушке и дедушке? Скажем, что ты не хочешь в зятя к императору. Дедушка обязательно тебе поможет!

Хэ Гу покачал головой:

— Бабушка и дедушка уже старенькие. Нельзя по любому поводу бежать к ним с проблемами. Им уже не под силу такие тревобления, ты должна их беречь, понимаешь?

Хэ Жун захлопала глазами, выглядя очень расстроенной:

— Но... но как же ты, брат...

— Всего лишь женюсь на принцессе. Она же не тигрица лютая, что в этом такого? — Хэ Гу улыбнулся. — И даже если женюсь, мне не будет «конец». Будь умницей, не переживай за брата, хорошо?

Стоило ему договорить, как вернулся Чжэнъе, ведя лошадь. Хэ Гу легонько коснулся костяшкой пальца пухлой щечки сестры и поднялся.

— Ступай в дом. Скоро матушка Цюй хватится тебя и начнет волноваться.

Хэ Жун послушно кивнула и пошла обратно, то и дело оглядываясь.

— Господин, так куда путь держим? — спросил Чжэнъе.

Хэ Гу окинул его взглядом и внезапно расплылся в такой лучезарной улыбке, что у слуги мурашки пошли по коже.

— В терем Хуаюэ*.

Примечание:

Бо — это один из пяти классических аристократических титулов в древнем Китае, который чаще всего соответствует западному «графу».

Терем Хуаюэ (Цветочной луны) — типичное название для увеселительного заведения или «квартала красных фонарей» в древнем Китае.

<http://bllate.org/book/15879/1615339>